

Научная статья

Научная специальность

12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»

УДК 342.76

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.52>

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

© Саламов Н. М., 2021

Государственная служба по вопросам имущества при Министерстве экономики Азербайджанской Республики,
г. Шеки, Азербайджанская Республика
Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Шеки, Азербайджанская Республика

Произведена конституционно-правовая репрезентация решений органов государственной власти об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии, изучены проблемы конституционно-правового регулирования гарантий прав и свобод человека, а также выдвинуты предложения по их экстраполяции. Эксплицируются и анализируются официальные документы, регулирующие реализацию прав и свобод человека и устанавливающие в этой сфере гарантии. Особое внимание уделяется сравнительно-аналитическому исследованию текстов этих документов, их юридико-техническому оформлению, соотношению их с другими нормативными правовыми актами. Сделан аподиктический вывод о том, что в законодательных актах выявляются пробелы – недостающие нормы, регулирующие ситуации, входящие в сферу правового воздействия, а также коллизии – разногласия или противоречия между отдельными юридическими нормами. Отмечается, что указанные проблемы превращают установленные законодательством гарантии прав и свобод человека и гражданина в правовые фикции. На основе анализа предложена обоснованная авторская позиция по совершенствованию нормативного регулирования гарантий прав и свобод человека, путем элиминации с соответствующих актов пробелов и коллизий. Заключается, что повышение уровня нормативно-правового регулирования обеспечит действенность и эффективность гарантий прав и свобод человека, способствует повышению уровня правовой культуры общества.

Ключевые слова: человек, права и свободы, гарантии, ограничение, конституция, законодательство, правовое регулирование, нормативный акт, пробел, коллизия.

RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS FOR THE PURPOSE OF HEALTH PROTECTION UNDER PANDEMIC CONDITIONS: PROBLEMS AND OFFERS

© Salamov N. M., 2021

State Property Management Service under Ministry of Economy of Republic of Azerbaijan,
Sheki, Republic of Azerbaijan
Azerbaijan State Pedagogical University, Sheki, Republic of Azerbaijan

The cognitive of the author is aimed at the constitutional and legal representation of decisions of state power, on the limitation of human rights and the body of a person in a pandemic, studying the problem of constitutional and legal regulation of guarantees of human rights and freedoms, as well as putting forward proposals for their extrapolation. The regulatory framework for the study was made up of legal acts of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan. The theoretical basis was the works of legal scholars. The methodological foundations of the research are the general dialectical method of scientific knowledge, methods of an empirical and theoretical nature, as well as special legal methods (formal legal, comparative legal). In the course of the study, official documents are explicated and analyzed that regulate the implementation of human rights and freedoms and establish guarantees in this area. Particular attention is paid to the comparative and analytical analysis of the texts of these documents, their legal and technical design, their correlation with other regulatory legal acts. As a result of the research, the author came to the apodictic conclusion that gaps are revealed in legislative acts – lack of norms regulating situations within the scope of legal impact, as well as collisions – disagreements or contradictions between individual legal norms. These problems turn the guarantees of human and civil rights and freedoms established by legislation into legal fictions. On the basis of the analysis, a well-grounded author's position on improving the normative regulation of guarantees of human rights and freedoms, ways of eliminating gaps and collisions from the relevant acts is proposed. Raising the level of legal regulation will ensure the effectiveness and efficiency of guarantees of human rights and freedoms, will contribute to raising the level of legal culture in society.

Keywords: person, rights and freedoms, guarantees, restriction, constitution, legislation, legal regulation, normative act, gap, conflict.

Права человека – дианоюя¹ всего человечества. Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина гарантируются системой

права [1, с. 48; 10, с. 238; 2, с. 33; 5, с. 167]. Из комплекса юридических гарантий в особую группу следует выделить конституционные гарантии, играющие ведущую роль во всей системе юридических гарантий.

¹ Дианоюя (греч. διάνοια) – термин древнегреческой философии, способность мышления, рассудок.

Проблеме соблюдения и защиты прав и свобод гражданина и человека (далее – прав человека) посвящены достаточно много исследований. Распространение инфекционного заболевания COVID-19, а также принятые в связи с этим правительствами стран соответствующие решения по ограничению прав человека заново вызвали к жизни эту тематику.

Известно, что идея основных прав и свобод возникла и развивалась как реакция общества на те или иные формы ограничения и принуждения со стороны государства [3, с. 406]. Конституции многих стран (Российской Федерации, Азербайджанской Республики и т. д.) в соответствии с нормами международного права предусматривают принципы приоритета прав человека, которые являются ценностью для государства, а также принцип необходимости и соразмерности ограничения прав и свобод, установленных конституциями¹.

В связи с распространением вируса COVID-19 в первом полугодии 2020 г. правительствами практически всех стран, в том числе Российской Федерации и Азербайджанской Республики, были приняты акты, ограничивающие естественные, социальные и экономические права граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства².

Исследуем проблему гарантий прав человека на примере законодательства Азербайджана и актов правительства этой республики. При всей очевидности цели введения правоограничений, их легитимность вызывает определенные сомнения, обнаруживается некая дивергенция с положениями законодательства.

Одной из главных составляющих обеспечения гарантий прав человека является наличие в законодательстве государств четких юридических оснований ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Регулирование прав человека в каждом государстве осуществляется прежде всего конституцией. Согласно ч. II ст. 71 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Консти-

туция) права и свободы каждого ограничиваются основаниями, установленными в настоящей Конституции и законах, а также правами и свободами других.

Сама Конституция четко устанавливает 4 основания ограничения прав и свобод. Часть III ст. 71 гласит, что при объявлении войны (имеется в виду война, объявленная главой государства обладателя Конституции), военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации, осуществление прав и свобод человека и гражданина может быть частично и временно ограничено. Как видим, выражение данной нормы сделано в определенной и категоричной форме, которая не подлежит изменению по инициативе ее адресатов.

Кроме указанного, Конституция (ч. II ст. 71) допускает ограничения прав основаниями, установленными в законах (наряду с Конституцией). Согласно Конституционному закону Азербайджанской Республики «О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике» (далее – Конституционный закон), помимо оснований, указанных в ч. III ст. 71 Конституции, права и свободы человека могут быть ограничены в целях гарантирования и защиты прав и свобод других людей (ч. I ст. 3)³.

Данный Конституционный закон (ч. VI ст. 3), определяя ограниченные права и соответствующие статьи Конституции, существенно расширяет возможности политической власти в сфере ограничения прав человека. Кроме этого, содержание этого Конституционного закона дает основание утверждать, что в отличие от Конституции он не устанавливает юридические основания ограничения прав, а декларирует только ее цели.

Представляется, что здесь мы наблюдаем конфликт нормативных правовых актов, коллизию Конституционного закона с частью III ст. 71 Конституции. Как мы указали выше, ст. 71 содержит исчерпывающий, законченный перечень обстоятельств, при которых возможны ограничения прав и свобод. В статье 71 мы не прослеживаем несоответствие между действительным содержанием нормы права и ее текстуальным выражением, чтобы придать ей более широкий смысл, чем это вытекает из ее словесного выражения. Норма не дает возможность обладателю права свободного распоряжения этим правом. Хотя эта же статья Конституции допускает ограничение прав каждого по основаниям, установленным в законах.

³ О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : конст. закон Азербайджанской Республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ПКQ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2003. № 1. Ст. 18.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек. № 273; Конституция Азербайджанской Республики (принята всенародным голосованием 12 нояб. 1995 г.) // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 1997. № 3. Ст. 159.

² О дополнительных мерах по предотвращению массового распространения инфекции коронавируса (COVID-19) на территории Азербайджанской Республики : постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 30 марта 2020 г. № 120 // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2019. № 03. Ст. 554; О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе прибывающих с территории Республики Беларусь, а также граждан Республики Беларусь : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р // Собр. законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1825.

Если уж законодатель считает ч. VI ст. 3 Конституционного закона соответствующей праву и справедливости, тогда ч. III ст. 71 Конституции можно было бы установить (сформулировать) таким образом: «При объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, мобилизации, а также основаниями, установленными в законах, осуществление прав и свобод человека и гражданина с учетом международных обязательств Азербайджанской Республики может быть частично и временно ограничено».

Продолжая мысль про основания ограничения прав человека, стоит указать еще на одну проблему. Некорректной видится ч. 5 ст. 3 Конституционного закона. Эта норма гласит: «Помимо оснований, указанных в ч. III ст. 71 Конституции Азербайджанской Республики, права и свободы человека могут быть ограничены в целях гарантирования и защиты прав и свобод других людей»¹. Как видим, данное установление безгранично расширяет основания ограничения прав человека, параллельно ставит под вопрос философию гарантий прав человека – их сущность, ценность и место в жизни общества. Думается, что здесь имеет место правовая герменевтика – постижение и истолкование смысла и аксиологии этой юридической нормы в контексте правовой реальности.

На подобную проблему в Конституции РФ указывает В. В. Лапаева. Она пишет, что формулировка ч. III ст. 55 допускает возможность ограничения основных прав и свобод федеральным законом по широкому кругу оснований без четкого указания на конституционные пределы таких ограничений [6, с. 16].

Подводя итог сказанному, можем отметить, что основными законами государств должны быть установлены четкие правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Другой проблемой является отсутствие в основных законах норм-гарантий, четко устанавливающих статьи (права), не подлежащие ограничению.

Конституция не устанавливает статьи (права и свободы), не подлежащие ограничению. Аналогичную проблему имеет и Конституция Республики Беларусь (ст. 23)². В отличие от азербайджанской и белорусской, положительный пример мы находим в конституциях соседних государств. Согласно ч. I ст. 56 Конституции

РФ не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. I), 24, 28, 34 (ч. I), 40 (ч. I), 46–54 Конституции РФ. Схожие нормы содержит и Конституция Украины³.

Этот существенный пробел в конституциях делает систему гарантий прав человека неполноценной. Однако такую норму-гарантию мы находим в Конституционном законе. Часть VI ст. 3 этого акта устанавливает конкретные статьи (права), которые могут быть ограничены.

Итак, мы можем предположить, что конституции должны быть вооружены ясными запрещающими нормами, устанавливающими обязанность субъекта воздерживаться от совершения действий, ограничивающих определенные права, как это сделано в Конституции РФ и Украины.

Конституционные гарантии являются фундаментом основных прав, свобод и обязанностей граждан, подобно тому как сами конституционные права и обязанности граждан фиксируют не все правовое положение граждан, а лишь его основы [11, с. 18]. Автор соглашается с мнением ряда правоведов о том, что по конституционным гарантиям уже целиком можно судить о реальности провозглашенных прав, их действующем характере, обеспеченности не только и не столько индивидуальными возможностями отдельного гражданина, сколько всем конституционным строем [7, с. 231; 8, с. 106].

Далее рассмотрим вопрос о том, каким видом нормативного правового акта можно ограничивать права человека (законом или подзаконным актом) или какой орган государственной власти уполномочен ограничивать права и свободы человека.

М. А. Краснов ч. III ст. 71 Конституции Азербайджана, гласящую, что «лишь при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации осуществление прав и свобод человека и гражданина может быть частично и временно ограничено с учетом международных обязательств Азербайджанской Республики», считает примером более точной юридической техники [4, с. 90]. Однако ученый не замечает, что эта статья, определяющая гарантии прав человека, не отвечает на вопрос, каким нормативным правовым актом (законом, указом и т. п.) должны быть установлены ограничения.

Анализ ст. 71 Конституции, устанавливающей гарантии прав человека, дает право сказать, что на конституционном уровне не было определено (установлено), какая ветвь или какой ор-

¹ О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике: конституционный закон Азербайджанской Республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ІІКQ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2003. № 1. Ст. 18.

² Конституция Республики Беларусь (принята всенародным голосованием 15 марта 1994 г.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 15.08.2020).

³ Конституция Украины (принята всенародным голосованием 24 сент. 1991 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141.

ган государственной власти могут ограничить права человека (вид нормативного правового акта по умолчанию определяет и орган государственной власти). Неоднозначна ч. II ст. 71 Конституции, где сказано, что права и свободы каждого ограничиваются основаниями, установленными в Конституции и законах. Представляется, что употребление в этой правовой конструкции слов «Конституции и законах» является проблематичным.

Как мы указали выше, ограничения прав, согласно Конституции (ч. III ст. 71), возможны при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации. Для ограничения прав по причине объявления войны требуется утвержденное парламентом страны решение главы государства¹. Введение военного и чрезвычайного положения, а также объявление мобилизации осуществляется на основании указов президента республики².

Согласно ст. 10.1 Закона Азербайджанской Республики «О военном положении», в рамках мер, принимающихся во время военного положения, могут быть предусмотрены ограничения прав человека. В отличие от Закона Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении», в этом законе не указывается, что ограничения прав человека устанавливаются органами исполнительной власти. В Указе Президента Азербайджанской Республики «О применении Закона Азербайджанской Республики “О военном положении”»³ перечисляются государственные органы, подразумеваемые под словами «соответствующие органы исполнительной власти» в законе «О военном положении»⁴. Но Указ не определяет уполномоченного устанавливать ограничения прав человека.

Итак, делая выводы, можем сказать, что в случае с военным положением законодательство оставляет вопрос об уполномоченном устанавливать ограничения прав человека без ответа. В этом случае кроме Указа главы государства о введении военного положения, издание дополнительного правового акта не предусмотрено.

Теперь обратимся к случаю, связанному с чрезвычайной ситуацией. Согласно ст. 8 Закона

Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении»⁵, в период действия чрезвычайного положения соответствующие органы исполнительной власти могут устанавливать ограничения прав человека. В Указе Президента Азербайджанской Республики «Об обеспечении реализации Закона Азербайджанской Республики “О чрезвычайном положении”»⁶ перечисляются государственные органы, подразумеваемые под словами «соответствующие органы исполнительной власти» в законе «О чрезвычайном положении». Привлекает тот факт, что Указ обходит стороной ст. 8.0, т. е. не определяет орган, который уполномочен устанавливать ограничения прав человека. Этот орган определяется Указом Президента Азербайджанской Республики «О применении Закона Азербайджанской Республики “О чрезвычайном положении”»⁷. Это право принадлежит президенту республики.

Итак, мы определились, что право ограничения прав во время введения чрезвычайного положения принадлежит главе исполнительной власти – президенту, и для установления этих ограничений одного указа главы государства о введении чрезвычайного положения недостаточно, требуется издание об этом дополнительного акта. Следовательно, указ главы государства о введении чрезвычайного положения служит первичным, а акт об ограничении прав и свобод вторичным документом.

Закон Азербайджанской Республики «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Азербайджанской Республике»⁸ напрямую не предусматривает ограничение прав человека и издание об этом соответствующего акта. Полномочия по исполнению требований этого закона распределены между президентом и Кабинетом министров.

Вышеизложенное наводит на вопрос, можно ли ограничить права человека указами гла-

¹ Конституция Азербайджанской Республики (принята всенародным голосованием 12.11.1995) // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 1997. № 3. Ст. 159.

² Там же.

³ О применении Закона Азербайджанской Республики «О военном положении»: указ Президента Азербайджанской Республики от 5 апр. 2017 г. № 1317 // Портал правовой информации Р. Азербайджан. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36804016 (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ О военном положении: закон Азербайджанской Республики от 14 февр. 2017 г. № 530-VQ // Портал правовой информации Азербайджанской Республики. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=32803254#pos=0;67 (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ О чрезвычайном положении: закон Азербайджанской Республики от 8 июня 2004 г. № 681-ПQ // Законы, подзаконные нормативные акты Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30614957 (дата обращения: 01.12.2021).

⁶ Об обеспечении реализации Закона Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении»: указ Президента Азербайджанской Республики // Сборник нормативных правовых актов Президента Азербайджанской Республики. Баку, 2021. С. 11–18.

⁷ О применении Закона Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении»: указ Президента Азербайджанской Республики // Правовые акты Президента Азербайджанской Республики. URL: https://azertag.az/ru/xeber/UKAZ_PREZIDENTA_AZERBAIDZHANSKOI_RESPUBLIKI_O_PRIMENENII_ZAKONA_AZERBAIDZHANSKOI_RESPUBLIKI_O_CHREZVYCHAIKOM_POLOZHENII-632290 (дата обращения: 01.12.2021).

⁸ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Азербайджанской Республике: закон Азербайджанской Республики // Правовой портал МВД Азербайджанской Республики. URL: <https://m.mia.gov.az/index.php?/ru/content/29448/> (дата обращения: 01.12.2021).

вы государства (исполнительной власти), если Конституционный закон (ст. 3), принятый для того, чтобы привести реализацию прав человека в Азербайджанской Республике в соответствие с Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод»¹, гласит, что права и свободы человека, предусмотренные Конституцией Азербайджанской Республики и международными договорами, участниками которых является Азербайджанская Республика, могут быть ограничены только *законом*². Как мы уже отметили, ч. II ст. 71 Конституции гласит, что права каждого ограничиваются основаниями, установленными в *Конституции и законах*.

Содержание ст. 111 и 112 Конституции, а также закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации» дает основание полагать, что слово «закон» тут понимается в широком смысле, как все нормативные правовые акты, изданные государством. И как мы уже отметили, введение военного и чрезвычайного положения, а также объявление мобилизации, при которых возможны ограничение прав человека, осуществляется на основании решений исполнительной власти. Следовательно, в данных случаях правовым основанием ограничения прав служит не закон, а подзаконный акт. К тому же в случае употребления слова «закон» в широком смысле постановления правительства присваивается статус легитимности.

Однако широкое толкование слова «закон» дает основание ошибочно утверждать, что права человека могут быть ограничены всеми ветвями власти (кроме судебной), правовыми актами, охватываемыми категорией «законодательство», – законом, указом главы государства, постановлением Кабинета министров, нормативными актами центральных органов исполнительной власти и т. д. Можно предположить обратное, то, что в данном случае слово «закон» мы должны употреблять не в широком, а в узком юридическом смысле, как акт, изданный законодательным органом государственной власти, иначе он не отметил бы Конституцию отдельно, а ограничился бы правовой категорией «законодательство».

Употребление слова «закон» в узком смысле согласуется со ст. 94 (ч. I) Конституции. Согласно этой статье, одним из вопросов, по поводу

которых парламент Азербайджана устанавливает общие правила, является пользование правами человека, закрепленными в настоящей Конституции. Согласно ч. II этой статьи, по этим вопросам принимаются законы. Однако правомерно ли по поводу пользования³ правами человека, закрепленными в настоящей Конституции, принимать подзаконные акты вместо законов?

Отдельного внимания в этом вопросе заслуживают решения Правительства Азербайджана. Легитимны ли постановления Правительства Азербайджанской Республики, ограничивающие права человека?⁴

Решения Правительства Азербайджанской Республики привлекательны и в контексте полномочий. Полномочно ли правительство принимать решения по ограничению прав человека, в контексте положений ст. 119 Конституции (полномочия Кабинета министров Азербайджанской Республики) и положения «Об Аппарате Кабинета министров Азербайджанской Республики»⁵. Постановления Правительства Азербайджанской Республики, ограничивающие права человека, начинаются с такого предложения: «Руководствуясь восьмым абзацем ст. 119 Конституции Азербайджанской Республики ...»⁶. Восьмой абзац ст. 119 Конституции гласит: «Решает другие вопросы, отнесенные к его компетенции Президентом Азербайджанской Республики». Как видим, данная норма напрямую не уполномочивает правительство ограничивать права человека. Отнесено ли указанное право актом Президента Азербайджанской Республики к компетенции правительства? Состав законодательства дает основание утверждать, что нет. Представляется, что при наличии такого акта главы государства, наделяющего правительство таким правом, постановления правительства должны начинаться со ссылки на данный акт.

Согласно ст. 3.2. Конституционного закона, закон, ограничивающий права человека, должен определять соответствующую статью Конституции Азербайджанской Республики. Содержат

³ Постановления правительства, наряду с ограничением прав и свобод, устанавливают и правила пользования этими правами и свободами.

⁴ О дополнительных мерах по предотвращению массового распространения инфекции коронавируса (COVID-19) на территории Азербайджанской Республики : постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики от 30 марта 2020 г. № 120 // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2019. № 03. Ст. 554.

⁵ Об Аппарате Кабинета министров Азербайджанской Республики : положение, утвержденное Указом Президента Азербайджанской Республики от 10 окт. 2017 г. № 1627 // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2017. № 10. Ст. 1794.

⁶ Конституция не уполномочивает правительство в сфере ограничения прав и свобод человека.

¹ О защите прав человека и основных свобод : Европейская Конвенция, заключенная 4 нояб. 1950 г. (г. Рим, Италия) // Сборник международных нормативных правовых актов Европы, действующих на территории стран бывшего СССР. М. : Изд-во МГУ, 2011 г. С. 211–233.

² О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : конституционный закон Азербайджанской Республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ПКQ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2003. № 1. Ст. 18.

ли постановления правительства, устанавливающие ограничения прав, ссылки на соответствующие статьи Конституции? Содержание этих документов не дает нам основания дать на этот вопрос положительный ответ.

Как пишет К. Штерн, «с учетом запрета чрезмерных ограничений вмешательство закона даже в сфере защиты основного права должно быть обоснованным, необходимым и соразмерным» [13, с. 187].

Дав правовую оценку решениям власти, остается только объяснять их, ссылаясь на аргументы. Человек и его права являются высшей ценностью для государства. В условиях пандемии государство как обладатель политической воли поставило одно право выше другого. Автор разделяет мнение С. А. Белова о том, что «с точки зрения логической структуры решений само обоснование, аргументация решения с помощью ценностей вызывает сомнения» [12, с. 379]. Однако ученый допускает приоритет одной ценности над другой. Ученый пишет, что на государстве, в лице органов, издавших оспариваемые акты, лежит обязанность доказать, что ограничение конституционных прав преследовало законную цель, в том числе и обеспечение безопасности [12, с. 380]. Экстраполируя спорность решений правительства, укажем, что принятые решения казуальны требованиям времени. Перед политической властью стояла архиважная задача – защитить членов общества и безопасное функционирование государства. Данные решения принимались в соответствии с естественно-правовым типом правопонимания. Власти не стали соблюдать требования законодательства и пошли по прямому пути, полагаясь на утилитаристскую функцию принятых решений: нарушение положений законодательства оправдывалось и покрывалось их общественной ценностью и полезностью.

Основной функцией конституционного регулирования прав, свобод и обязанностей личности, пишет Л. А. Нудненко, является достижение гармонии интересов отдельной личности с обществом и государством [9, с. 35]. Случай с COVID-19 как раз тот самый, когда личный интерес предстает как общественный, а интересы общества персонализируются в интересах личности. Члены общества заинтересованы в ограничении одних прав во имя другого права, ради интереса всех и каждого, что противоположно мнению Л. А. Нудненко о том, что исключается использование человека в качестве средства достижения общего блага или защиты интересов народа или потребностей государства, считаем, что для защиты прав личности (например, права на жизнь) государство обречено превратить

человека в объект правового воздействия. Итак, решения органов власти обуславливались интересами социума и их социальной ценностью.

Как видим, вопрос о полномочном на ограничение прав, следовательно, о нормативном правовом акте в законодательстве урегулирован недостаточно. Оставление указанных правовых норм в существующем виде порождает правовую неопределенность и может способствовать злоупотреблению властью.

Представляется, что ст. 71 Конституции должна быть дополнена нормой, устанавливающей конкретный вид нормативного правового акта, на основании которого возможны ограничения прав. Для примера скажем, что в ч. III ст. 55 Конституции РФ указано, что права и свободы граждан могут быть ограничены федеральным законом. Кроме того, в статье Конституции, где указаны полномочия органов государственной власти, должны быть добавлены полномочия по ограничению прав. То есть должен быть четко определен орган государственной власти, уполномоченный ограничивать права человека. А статья 3.1. Конституционного закона должна быть сформулирована более корректно, исключать разночтения. Например, права человека, предусмотренные Конституцией Азербайджана и международными договорами, участником которых является Азербайджанская Республика, могут быть ограничены только законом, принятым парламентом Азербайджанской Республики.

Следующим пунктом исследования является ответ на вопрос, какие юридические факты-ситуации (события) являются условиями ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Мы указали выше, что ограничения прав, согласно Конституции (ч. III ст. 71), возможны при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации. Конституционный закон неопределенно расширяет этот перечень.

В статье 111 Конституции установлены основания для объявления военного положения (при фактической оккупации определенной части территории республики, объявлении войны и т. д.), а в ст. 112 – введения чрезвычайного положения (при стихийных бедствиях, эпидемиях, эпизоотиях и т. д.). Наличие этих событий де-факто не является еще основанием для ограничения прав. Требуется юридическая констатация наличия этих ситуаций (событий), которая осуществляется путем принятия указов президента страны о введении военного или чрезвычайного положения. Следовательно, ситуации (события), предусмотренные в этих статьях, служат ситуационными основаниями указов –

юридических оснований ограничения прав и свобод человека.

В случае с объявлением войны или мобилизации ситуация иная. Действующее законодательство Азербайджанской Республики не содержит конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), при которых возможно объявление войны (тут имеется в виду война, объявленная главой государства обладателем Конституции). Закон Азербайджанской Республики «О мобилизационной подготовке и мобилизации» также не устанавливает основания мобилизации¹. Конституционный закон тоже, в свою очередь, не определяет ситуационные основания, хотя перечисляет цели ограничений.

В одном из своих решений Европейский суд по правам человека отметил, что применяемые государством санкции, заключающиеся в ограничении прав человека, должны быть «связаны с выявлением реальной угрозы национальным интересам, в частности с фактами, основанными на конкретной информации»².

Вполне очевидно, что существующая ситуация существенно осложняет принятие решения об ограничении прав человека. Должны быть четко установлены события (ситуации), при которых возможно принятие правовых решений об ограничении прав и свобод. Должна быть изменена ч. II ст. 71 Конституции с четким определением событий (ситуаций), при которых возможны ограничения прав человека.

Итак, анализ нормативных правовых актов позволил предложить авторскую позицию об уровне обеспечения основных прав человека конституционными и иными юридическими гарантиями; есть страны, где правовые идеи о гарантиях прав гражданина и их принципы воплощены в юридические формы неполноценно. Пробелы и коллизии, имеющиеся в соответствующих нормативных правовых актах, затрудняют их реализацию в практической жизни общества, а право, как мы знаем, имеет смысл и ценность для личности, общества, если оно реализуется.

Результаты исследования дают нам возможность постулировать следующий тезис. Правовые нормы о гарантиях (ограничениях) прав и свобод человека и гражданина должны содержать следующие основные компоненты: правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина, ситуации (события), при которых возможны ограничения, статьи

(права и свободы), не подлежащие ограничению, и, наконец, орган государственной власти, уполномоченный на такие действия. Законодательство (особенно основные законы) всех подлинно правовых стран должно содержать все указанные аксиологические свойства важной ценности общества – прав и свобод человека и гражданина.

Представляется, что данная позиция оживит правовой диалог вокруг этой тематики, а субъекты правотворчества, обращаясь к практике принятия решений, ограничивающих права человека в условиях пандемии, извлекут определенные идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 300 с.
2. Демократия и личность в условиях развитого социализма. Государственно-правовой очерк. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 167 с.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. 752 с.
4. Краснов М. А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное Конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 82–93.
5. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2003. С. 166–167.
6. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал Российского права. 2005. № 7. С. 13–23.
7. Матузов Н. И. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000. 277 с.
8. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев М. : Юрайт, 2001. 871 с.
9. Нудненко Л. А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2012. № 2. С. 33–41.
10. Палютин В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). М. : Наука, 1974. 246 с.
11. Хазов Е. Н. Понятие и сущность конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 3. С. 17–21.
12. Шишкина О. Е. Безопасность государства и ограничение конституционных прав и свобод в практике конституционного контроля в РФ // Московская Юридическая неделя : материалы XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения). В 3 ч. Ч. 1. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 376–380.
13. Штерн К. Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии: В 2 т. Т. 2. М. : Институт государства и права РАН, 1994. 320 с.

REFERENCES

1. Voevodin L.D. *Konstitutsionnye prava i obyazannosti sovetskikh grazhdan* [Constitutional rights and obligations of Soviet citizens]. Moscow, Mosk. University Publ., 1972. 300 p. (in Russian).
2. *Demokratiya i lichnost' v usloviyakh razvitoogo sotsializma. Gosudarstvenno-pravovoi ocherk* [Democracy and personality in the conditions of developed socialism. State and legal sketch]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 167 p.
3. Jellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state]. Saint Petersburg, 2004. 752 p. (in Russian).
4. Krasnov M.A. *Nekotorye aspekty problemy ogranicheniya konstitutsionnykh prav (na primere ekonomicheskikh prav)*. [Some aspects of the problem of limiting constitutional rights (for example, economic rights)]. *Sravnitel'noe Konstitucionnoe obozrenie*

¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации : закон Азербайджанской Республики от 10 июня 2005 г. № 923-ПQ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2005. № 8. Ст. 683.

² Республиканская партия России – против России : постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 12976/07 (§ 88 мотивировочной части). URL: <http://jurix.ru...news...espch...respublikanskoj-partii> (дата обращения: 07.04.2020).

[Comparative Constitutional Review], 2013, no. 1 (92), p. 82-93. (in Russian).

5. Lazarev L.V. *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow, 2003, p. 166-167. (in Russian).

6. Lapaeva V.V. Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii RF (opyt doktrinal'nogo osmysleniya) [The problem of limiting human and civil rights and freedoms in the Constitution of the Russian Federation (the experience of doctrinal comprehension)]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 7, p. 13-23. (in Russian).

7. Matuzov N.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Ed. N.I. Matuzov and A.V. Malko. Moscow, 2000, 277 p. (in Russian).

8. *Nauchno-prakticheskie kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Scientific and practical commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Otv. ed. V.V. Lazarev. Moscow, Yurayt Publ., 2001, 871 p. (in Russian).

9. Nudnenko L.A. Funktsii konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v kontekste vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Functions of constitutional rights and freedoms of the individual in the context of interaction between civil society and the rule of law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2012, no. 2, p. 33-41. (in Russian).

10. Palyutin V.A. *Gosudarstvo i lichnost' v SSSR (pravovye aspekty vzaimootnoshenii)* [State and personality in the USSR (legal aspects of relationships)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 246 p. (in Russian).

11. Khazov E.N. Ponyatie i sushchnost' konstitutsionnykh garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina [The concept and essence of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. The science. Scientific personnel], 2011, no. 3, p. 17-21. (in Russian).

12. Shishkina O.E. Bezopasnost' gosudarstva i ogranichenie konstitutsionnykh prav i svobod v praktike konstitutsionnogo kon-

trolya v RF [State security and limitation of constitutional rights and freedoms in the practice of constitutional control in the Russian Federation]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskie chteniya)* [XIII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, 2018, pp. 376-380. (in Russian).

13. Stern K. *Zashchita osnovnykh prav i ikh ogranicheniya* [Protection of fundamental rights and their limitations]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, 320 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 08.02.2021; одобрена после рецензирования 04.05.2021; принята к публикации 01.12.2021
Received on 08.02.2021; approved on 04.05.2021; accepted for publication on 01.12.2021

Саламов Натиг Мухтар-оглы – юрист, Государственная служба по вопросам имущества при Министерстве экономики Азербайджанской Республики (Азербайджанская Республика, AZ5500, г. Шеки, просп. Гейдара Алиева, 9А); преподаватель, Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджанская Республика, AZ5500, г. Шеки, ул. М. Расулзаде, 305), ORCID: 0000-0001-7284-5019, ResearcherID: N-1331-2018, e-mail: natik-salamov@mail.ru

Salamov Natig Mukhtar oglu – Lawyer of State Property Management Service under Ministry of Economy of Republic of Azerbaijan (9A Heydar Aliyev Av., Sheki, AZ5500, Republic of Azerbaijan); Teacher, Azerbaijan State Pedagogical University (305, M. Rasulzadeh st., Sheki, AZ5500, Republic of Azerbaijan), ORCID: 0000-0001-7284-5019, ResearcherID: N-1331-2018, e-mail: natiksalamov@mail.ru